

НИНА ТИХОМИРОВА

АРЗАМАССКИЕ ПРИПЕВКИ

(По рассказам моей мамы Евдокии Васильевны)

*Арзамас, наш Арзамас,
Ты весёлых прими нас.
Все мы из Туманова,
Ни единого — пьянова.
С песнями на ярмарку...*

“Доченьк, что ты там всё пишешь да пишешь? Сядь а ты ко мне!” — это моя старенькая мама. Ей 96 лет, но она помнит ещё то время, когда только готовилась к школе. И ей говорили: “Ты уже большая, скоро в школу пойдёшь”. А потому она и корову с овцами рано утром выгоняла в стадо, и полы мыла, и картошку чистила, и бельё полоскала на пруду, да ещё с младшей сестрёнкой Марфой нянчилась. От Туманова, её родового гнезда, до Арзамаса — рукой подать. Пройдёшь сёла Водоватово, Абрамово, а уж с Выездного открывается изумительная панорама старинного города на холме с золотистыми куполами церквей и колоколен. А как перейдёшь по деревянному мосту через реку Тёшу, и ты уже в городе.

Много лет назад маме сделали операцию на позвоночнике, и с тех пор стали постепенно отказывать ноги. И вот она уже более пяти лет не встаёт с постели, а я, её дочь, оставила свой дом сыну и перешла в её домик с “окнами в сад” и резными наличниками.

И где бы она ни жила: на Урале в г. Копейске, в Восточной Пруссии в г. Озерске, на Севере в г. Воркуте, в Туле — она в последние годы вспоминает в основном своё родное Туманово, своё детство...

“Сядь а ты ко мне. Мне так охота с тобой поговорить. Я ведь почти целый день одна...” Мне становится совестно, даже сердце сжимается. Я оставляю свою писанину и подсаживаюсь к её диван-кровати, беру её руку, глажу... “Ну вот, и слава Богу”. И начинает петь. Сначала молитвы “Шла матушка Мария”, “Царица моя преблагая” и др. Потом старинные песни, которые она особенно любила: “Начинаются дни золотые...”, и я, подлаживаясь под её мягкий, приятный голос, тоже подхватываю: “Ой, вы, кони мои вороные, вороные вы, кони мои...” Далее следуют “Тонкая рябина”, “Степь да степь кругом...”, “Как в саду при долине...”, “По диким степям Забайкалья”, “То не ветер ветку клонит...” “Это была тятина любимая песня, — скажет мама. — Эх, и песельница я была! А частушек, припевок разных сколь знала.

Вот собирается нянька на гулянку (это старшая сестра Анна, почти невеста, а маме — лет 6-7), достаёт из сундука нарядный полushалок с кистями,

набрасывает на голову: “Дунька, держи сзади косяк!” Я берусь за угол полушалка и натягиваю вниз. “Ровней держи!” – кричит она. Я жму косяк в самую ямку ниже спины, она вскрикивает. “Зато ровно”, – говорю. “Смотри у меня! Чтoб не выбегала больше из дому, не позорила меня, а то крапивой отхлещу. Артистка мне нашлась”, – и уходит.

А я уж знаю: она и замок повесит снаружи, и ворота колом подопрёт. Но у меня осталась подворотня. Я уж загодя чуть подкопаю и соломку слегка рассыплю.

“Дуняток, а ты давай ложись, ложись, утром вить рано подниму”, – говорит с печки мама. Я для виду лезу на полати, там уж Пашенька с Марфой спят, сёстры мои. Одна постарше меня, вторая – помоложе. Санька, брат, уж на учёбу в Арзамас уехал. Лёнька, постарше Анёнки, в зятя вошёл, а братка Иван, самый старший, тоже женился, построился и отделился. Лежу, а у самой сердце колотится, мама похрапывать стала, намается за день-то, а вставала с первыми петухами.

И вот слышу: гармошка! Эх, как я её любила! На край света за ней бы пошла. А ребята – водоватовски. У них девки-то больно с гонором были, задавасты, всё за городских норовили выйти. А у нас – попроще, да и красивей ихних, с голосами. Вот и я сызмальства голосиста была. Меня многие звали Дуней-артисткой. А наши-то ребята к замятнским девкам ходили.

Вот уж ближе подходят, я тихонько слезаю и к окошку. Идёт цела ватага, человек 12–15. Один запекает, первая половина частушки врястяжку, а вторая быстро, скороговоркой:

*Ой, то-ва-рищ мой то-ва-рищ,
Ты меня не вы-да-вай.
Я буду ворота мазать,
А ты дёготь подавай.*

А все подхватывают хором вторую половину:

*Я бу-ду во-ро-ты ма-зать,
А ты дё-готь по-да-вай.*

И проигрыш гармошкой. А я так и выпрыгнула бы из окна. Эт они для форсу таки частушки начинали. Вот, мол, мы какие:

*Моя милка некрасива,
Никому не нравится.
Куплю сотню кирпичей,
Пусть она румянится.*

И опять таким же манером. Один начинает, а все подхватывают. Вот они прошли мимо нашего дома, мимо пруда, а дальше, перед поворотом налево в Матню, срубы ставили, брёвна лежали, ну, и наши девушки уж сидели, поджидали. И котора побойчей начинат им отвечать:

*Водоватово село,
Чем прославится оно:
Лаптями, онучами
И парнями вонючими.*

Ну, и те не остаются в долгу:

*Девок много, девок много,
Девок некуда девать,
Их посадим в худые сани,
Станем по полю терять.*

И тут же образуют круг, выходят две девушки, одна пляшет, другая поёт:

*Гармонист, гармонист,
Рубашечка сатинова,*

*Не тебя ли, гармонист,
Зазнобушка покинула.*

А он отвечает:

*Не подскрывать, залётка,
Не подскрывать, прошу,
Я и так уж все неделю
Намагниченный хожу.*

Потом вторая поёт:

*Гармонист, гармонист,
Я тебя надую,
Из резиновых колош
Лапки обую.*

Тут в круг выходят два парня:

*Девки спорили на Тёше.
У ково как колоши,
А ребята на лугах,
У ково скока рубах.*

Ещё две девки выходят и по очереди пляшут и поют:

*Дорогой мой дорогой, стоишь дорогова,
При тебе люблю тебя, без тебя — другога.*

*Дорогой мой дорогой, дорожила я тобой,
А теперя, дорогой, дорожу, да не тобой.*

Парни:

*Вы какие, девки, смелы,
Зайца попугали,
Арзамаски девушки
С нами погуляли.*

А наши девчата:

*Ой, товарка моя Клава,
Выбивай 41,
А ребятам за измену
Принудиловку дадим.*

*Ох-ох, не дай Бог
С водовацким знацца,
Он соляркою пропах,
А лезет целовацца.*

Парни:

*Ох, милка моя хуже лихорадки,
Щи варила-пролила, обварила пятки.*

*Акулине пирога, Акулина хочет,
Акулину под бока, она захохочет.*

Девушки:

*В огороде лук да мак —
Какое украшение,*

*Ко мне миленькай не ходит
Третье воскресенье.*

*Голоску мово не стала,
Стала я хрипучая.
Это милова изменушка
Меня замучила.*

А уж дело идёт на примирение и сближение:

Парни:

*Тараторочка моя,
Ты не тараторься.
Я любить тебя всё буду,
Ты не беспокойся.*

*Ой, милка моя,
Купи бутылку вина,
Купи боле, купи доле,
Будь заветная моя.*

Девушки:

*На горе стоит берёза,
А я думала: “Серёжа”,
Берёзыньку обняла,
Серёжинькай назвала.*

*Подружка моя завлекательна,
Пойдём завлечём обязательно.
Плясать пойду, головой качну,
Потом серыми глазами завлекать начну.*

*У колодца вода льётся.
Ледышки растаяли,
Мил хотел меня посватать,
Подруженьки расхаяли.*

*Я у Коли в коридори
Чуть не заплуталася,
Здравствуй, Коля дорогой,
Давно не видалися.*

Тут уж я не выдерживаю, — вспоминает мама, — вылезая из подворотни и сразу в круг с припевкой:

*Ухажёр мой ухажёр,
Ухажёр мой Колька,
Он ухаживат за мной,
А я за ним нисколько.*

Ребята хохочут, а я не даю никому опомниться, снова запеваю и приплясываю:

*Говорят про меня,
Что я ростом мала,
Мне бы шляпу и колоши,
Я бы барыней была.*

*Пойду плясать — доски гнутся,
Сарафан коротенький — мальчики смеются.*

Которы ребята, видевши меня впервые, с удивлением спрашивали: “Эта чья такая артистка?” – “Анюшина сестрёнка. Её и правда зовут артисткой”. А нянька уж за подол меня дёргает. “Не трожь её, Аннушка, вишь, как наяривает, лучше взрослых, – говорит гармонист. – Пой, пой, красавица”.

*Ох, топнула я
И притопнула я,
Съела пряников полпуда
И не лопнула я.*

Тут уж все хохочут. А гармошка играют, а я давай вприсядку:

*Плясала вприсядку,
Любила Васятку.
А теперь Васятку
Под левую пятку.*

“Вот даёт малышка! А ну-ка! Поможем ей”, – выбегают в круг сразу трое. Двое пляшут вприсядку, а один запеваёт:

*У кого какая баня,
У меня осинова,
У кого какая милка,
У меня красивая.*

А я не отстаю:

*У кого какой милой,
У меня мастеровой,
Замечательна походочка,
Качает головой.*

*Люблю сани с подрезами,
А коня за высоту,
Люблю милого с кудрями,
А ещё за красоту!*

*Шила милому кисет
От мамыньки украдочкой,
Мамынька за скобочку,
А я кисет в коробочку.*

А гармошка ещё веселей наигрывают, парни пляшут вокруг меня, а я всё не унимаюсь:

*Я картошечку полола,
В травушке запуталась,
Я гулять-то не гуляла,
Славушки достукалась.*

*Я у мамыньки одна,
У тятеньки единая.
Я у милого мово
Самая любимая.*

“Да кто ж у тебя любимый-то, крошка?!” – кричит один из парней. “А вот он!” – показываю на гармониста Николая и опять пою:

*Что ты, Коля, не пришёл,
Я тебе велела,
До двенадцати часов
Лампа всё горела.*

*Ты сыграй-ка, милый Коля,
А я тебе подпою,
А я тебе подпою
Про несчастну жизнь свою.*

А в круг уже решительно входит моя нянюшка, резко берёт за руку и ведёт за собой. Я оборачиваюсь на гармониста и пою:

*Милый Коля, милый Коля,
Милый Коля, не женись,
Милый Коля, не женись,
Меня молоденьку дождись.*

И тут же вырываюсь, бегу к дому, шмыгаю в подворотню, через хлев пробегаю в сени и в избу. В темноте нянька не поймёт, куда же я исчезла. Пока она снимает замок, открывает одну дверь, другую, а я уж на полатах, перелезла через Пашеньку и Марфу, отвернулась к стенке, укрывшись лоскутной одеялкой, и даже зажмурилась. Но слышу, как она запалила лучинину и поднялась по приступке к полатам, осветила нас, и удостоверившись, что я на месте, проговорила: “Ну, доляганка, покажу завтра тебе “несчастну жизнь”. Кака хитруща-та!” – и вышла из избы. В кармане сарафана я нащупала кулёчек, который успел мне положить Коля-гармонист. Там оказался ландрин, это такие мелкие цветные леденцы разной формы. Один я вынула и положила в рот. Гармошка всё играла, а девушки наши уже пели страдания. Это те, что остались невыбранными парнями. “Интересно, кого он пойдёт провожать? А никово, – после раздумий рассудила, – он же мне свой ландрин отдал”. У парней соседних деревень – Водоватова, Замятина – для девушек, с которыми они встречались, всегда были гостинцы: конфеты, пряники, орехи и даже брошки или бусы. И даже тем, кого выбирали новенькие, тоже приходили с гостинцами. Да... – задумалась мама.

– Ну, а когда ты подросла, встречались с гармонистом Николаем?

– Ну, это уж другая история... После расскажу.

А частушек и припевок её я ещё много записала. Как-то её спросила: “Откуда ты столько частушек знала даже в 7 лет? – А которы запоминала и в других деревнях. Меня же мама отправляла в няньки то в Слизнево, то в Шерстино. А которы сама придумывала. Да...”